DOI 10.24249/2309-9917-2025-73-5-45-51

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

К проблеме источниковедческого комментирования автобиографических записок А.Т. Болотова

Аннотация: Статья посвящена вопросам источниковедческого комментирования автобиографического сочинения известного российского просветителя второй половины XVIII в. А.Т. Болотова. Автор записок облек свои воспоминания в распространенную в европейской традиции того времени форму писем. Текст не предназначался для печати, поэтому используемые книжные источники присутствуют зачастую в неявном виде как пересказ, упоминание сочинителя или даже контаминация нескольких источников. Болотов свободно владел немецким языком. Он принадлежал к поколению, сформировавшемуся в период, когда франкофония еще не утвердилась в среде образованного дворянства. Определение некоторых немецких источников затруднено свободной манерой обращения к ним создателя объемного историко-литературного труда. Несколько рассмотренных в статье примеров свидетельствуют о проблемах, возникающих перед современным комментатором этого во многом уникального произведения мемуарной прозы.

Ключевые слова: А.Т. Болотов, мемуарная проза, книжные источники, проблемы комментирования, круг чтения

A.A. Pautkin (Moscow, Russia)

To the Problem of Source Study Commentary of A.T. Bolotov's Memoirs

Abstract: The article regards source study commentary of A.T. Bolotov's autobiographical work. He was the famous Russian educator of the second half of the 18th century who put his recollections into the form of letters not intended for publication, which was common in the European tradition of that time. So the book sources used are often implicit, such as a retelling, a mention of the author, or even a combination of several sources. Being fluent in German Bolotov belonged to a generation that emerged during a time when Francophony had not yet become established among the educated nobility. The identification of some of the German sources is challenging due to the author's free-flowing style in his extensive historical and literary work. Several examples discussed in the article highlight the challenges faced by modern commentators of this type of text.

Key words: A.T. Bolotov, memoir prose, book sources, problems of commenting, reading circle

Масштабное литературно-историческое сочинение «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» не раз издавалось и полностью, и в усеченном виде, с произвольным сокращением множества фрагментов. При этом записки, построенные в форме череды писем, содержат богатейший материал, нуждающийся в комментировании. Однако осуществлению подобного начинания препятствуют труднопреодолимые обстоятельства, среди которых объем текста выступает важной, но не единственной помехой. До недавнего времени самой полной публикацией оставалось издание, подготовленное М.И. Семевским (1870–1875)[1], но и оно было лишено комментария. Последующие сильно усеченные публикации сопровождались весьма скромными пояснениями составителей. Таково, например, сокращенное издание со статьей и комментарием А.В. Гулыги[2].

Интерес к воспоминаниям Болотова не угасает. Но только сейчас появилась возможность обратиться к действительно фундаментальной, выполненной с опорой на текстологическое исследование рукописи, комментированной публикации записок. В издательстве «Пушкинский Дом» с 2021 г. выходит подготовленное сотрудниками Института русской литературы сочинение Болотова. К настоящему моменту читателю доступны материалы, охватывающие 1738–1762 гг., вошедшие в два первых тома продолжающегося проекта. Это разделы мемуаров, включающие рассказ о юности автора, прожившего весьма долгую и насыщенную событиями жизнь. Записки подготовлены А.Ю. Веселовой, М.П. Махотиным и А.Л. Толмачевым при участии В.И. Егорова[3]. Запланирован выпуск семи томов, каждый из которых представлен двумя книгами (первая включает в себя сам текст, вторая – подробный комментарий).

Распространенный в XVIII в. жанр автобиографических записок подразумевает прежде всего опору на личный опыт и житейские впечатления автора, существенную роль могут играть и книжные источники, привлекаемые создателем текста воспоминаний. Они нередко используются в неявной форме или в трансформированном виде. Особую трудность вызывает определение иноязычных источников, представленных в неточном пересказе. Ведь текст часто не предназначался для последующего издания.

Просветитель Болотов, как известно, был самоучкой. Он не имел возможности получить систематическое образование. Все сферы его интересов, в которых он немалого достиг, свидетельствуют об удивительном трудолюбии и любознательности этого человека. Экономика, агрономия, философия и даже литературная критика – все это требовало не только практических усилий, но и чтения разнообразных трудов ученых по этим областям знания. А начиналось увлечение книгами со знакомства с каталогом «сочинений во всех частях немецкой литературы» [I, 1: 269]. Интересно, что чтение большого количества немецких романов («Я прочел их тогда превеликое множество» [I, 1: 270]) оказалось, по признанию, сделанному автором в Письме 69, весьма полезным («произвело мне многораз-

[1] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793 / [Предисл.: М. Семевский]: В 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1871–1873. Прилож. к «Русской старине». Это издание повторено в 2013 г. Институтом русской цивилизации.

[2] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст. и примеч. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986.

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021; Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022: Далее в тексте сочинение Болотова цитируется по данному изданию с указанием тома римской, книги арабской цифрой и страниц.

личныя пользы» [I, 1: 271]) этапом в освоении европейской культуры и в совершенствовании знания языка.

Болотов всегда сторонился участия в каких-либо общественных движениях и организациях. Недаром В.О. Ключевский назвал его «добрым наблюдателем»[1] российской действительности второй половины XVIII в. Так он уклонился от участия в заговоре против Петра III, тесно общаясь по издательским делам с Н.И. Новиковым и М.М. Херасковым, не желал становиться масоном. Значительная часть его жизни прошла в усадьбе Дворяниново Тульской губернии, где он особенно ценил библиотеку своего кабинета с книгами на многих языках. К сожалению, подлинная усадьба сгорела в 30-е гг. прошлого века, а сегодняшний скромный мемориальный дом представляет собой лишь восстановленную копию былых построек.

Автор записок с юных лет свободно владел немецким языком. Ведь он рос в ту пору, когда франкофония еще не приобрела всеобщего влияния в дворянской среде. Следуя за своим отцом, полковым командиром, Болотов прошел несколько ступеней самостоятельного погружения в немецкую культуру: примитивное обучение у жестокого унтера Миллера, курляндский пансион, где вообще не звучала русская речь, и наконец военная служба в оккупационной администрации Кенигсберга, которую возглавлял В.И. Суворов, отец великого полководца. Здесь в полной мере проявилась тяга юноши к наукам: посещение лекций в знаменитом европейском университете, собирание личной библиотеки, общение с профессорами и русскими студентами, обучавшимися в Кенигсберге[2]. В записках неоднократно упоминаются имена И.К. Готшеда, Х.А. Крузия, И.Г. Зульцера. Философским системам двух последних Болотов отдавал предпочтение, отвратившись от вольфианства (Х. Вольф), которое, как ему казалось, могло склонить к деизму и маловерию, что он и отмечает в Письмах 81 и 86 [II, 1: 423–424; 490–491, 496]. Однако даже прямые упоминания тех или иных авторов подчас не облегчают задачу комментатора.

Обратимся лишь к трем показательным фрагментам записок, два из которых только теперь нашли свое объяснение в новом издании. Они связаны с разными тематическими сферами: литературная цитата, оценка исторической личности и развернутая характеристика значительного военного события эпохи Семилетней войны.

Дважды автор цитирует «духовную оду славнаго и любимаго моего немецкаго пиита Куноса» [II, 2: 581]. Причем в первом случае, Письмо 91, предлагается русский перевод начальных строк стихотворения: «Есть Бог, пекущийся обо мне, а я, я смущаюсь и горюю и хочу сам пещися о себе» [II, 2: 581], а много позже, в Письме 98 [II, 1: 672] цитируется немецкий оригинал:

Es ist ein Gott, der sorgt für mich,
Und ich, ich lebe kümmerlich,
Und will mich selbst versorgen…

Что это за духовная ода и кто такой Кунос? А.В. Гулыга высказывал предположение, что это может быть Квирин Кульман[3] (Quirinus Quhlmann). Тогда это своеобразная аббревиатура имени экзальтированного мистика конца XVII в., выданного властям самими насельниками Немецкой слободы и сожженного в Москве в 1689 г. Конечно, обрабатывать свои ранние записи Болтов стал через сто лет после казни немецкого проповедника. Набожный автор записок мог испытывать

[1] *Ключевский В.О.* Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. С. 99.

[2] Подробнее см.: *Пауткин А.А.* Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. №4. С. 52–61.

[3] Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст.и прим. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. С. 761.

какой-то интерес к творческому наследию религиозного вольнодумца Кульмана и при этом «зашифровать» его имя. Заметим, что, например, в последнее десятилетие XVIII в. в подмосковной усадьбе масона И.В. Лопухина Саввинское появился целый философский парк, где был установлен и памятник Кульману[1]. И все-таки натуре Болотова были чужды мистические настроения. А самое главное, процитированные им по памяти стихотворные строки не обнаруживаются в огромном материале известных сегодня кульмановских сочинений. Не содержит их и так называемая «Прохладительная Псалтырь» поэта-мистика XVII в.

В новом издании записок наконец предлагается ответ на вопрос о немецком поэте, к сочинению которого столь настойчиво обращался мемуарист. Автор цитируемой духовной оды – Иоганн Кристиан Куно (1708–1789), забытый сегодня писатель середины XVIII в., имя которого приобрело в тексте Болотова латинизированный вид [II, 2: 315–316]. Книга «Geistliche Lieder», содержащая цитируемые строки, как указывают комментаторы, вышла в Гамбурге в 1758 г. Это как раз время пребывания Болотова в Кенигсберге и период формирования определенного круга чтения, литературных вкусов и начальных философских воззрений молодого офицера, прикоснувшегося к европейской культуре.

Отметим, что Куно был не только литератором и переводчиком, известны его труды в области ботаники. На эту деятельность обратил внимание выдающийся современник, естествоиспытатель Карл Линней. Он даже назвал одно из растений, произрастающее в Южной Африке и Новой Каледонии, кунонией. В трудах и судьбе Куно обнаруживаются удивительные сходства с многогранными интересами и достижениями его русского поклонника, увлеченного среди прочего агрономией и практическим сельским хозяйством. Создатель «Ode über seinen Garten» («Ода своему саду») вполне мог вызывать у энтузиаста садово-огородных опытов в усадьбе Дворяниново особый интерес. Вспомним также, что Болотов занимался и систематизацией растений (напр., «Ботанические примечания о классах трав», 1771) и селекцией плодовых культур.

Другим показательным примером затруднительности определения источника может служить развернутая характеристика императрицы Елизаветы Петровны, предложенная в Письме 91. Автор прямо указывает на иностранное происхождение приводимых оценок личности дочери Петра и даже берет их в кавычки. При этом противопоставляет их суждения мнению соотечественников: «Вот какими чертами изображали иностранные характер сей монархини. Из россиян же некоторые приписывали ей уже более слабости и мягкости в правлении…» [II, 1: 589–590). Вероятно, перед нами некий обобщенный портрет Елизаветы, который запечатлели в своих трудах «иностранные». Несмотря на то что в тексте пространный фрагмент, содержащий описание внешности и нрава императрицы, представлен в виде явной цитаты, установить точно его происхождение не удается, а современные комментаторы оставляют его без внимания. Отдельные моменты, например портрет Елизаветы, лишь напоминают «Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. 1724–1730 годов»[2]. Однако эти воспоминания о России, вышедшие в Париже в 1788 г., относятся к периоду, когда Елизавета была еще вели-

[1] См. об этом: *Пауткин А.А.* Последний «философский камень» усадьбы Саввинское (И.В. Лопухин и Квирин Кульман) // Пауткин А.А. Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 194–204.

[2] Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. 1724–1730 годов. Пер. с франц. Д. Языкова. СПб., 1845, 134 с.

кой княжной. Посол, шотландец по происхождению, именует ее «принцессой», тогда как Болотов пытается охарактеризовать все уже завершившееся правление Елизаветы. Комментаторы останавливаются лишь на беглом замечании о слухах по поводу неестественной кончины Елизаветы Петровны, упоминая переписку маркиза Ж.-Б. де Аржана с Фридрихом II.

Теперь обратимся к Письму 76. Перед нами тот случай, когда точно удается установить источник, хотя автор никак на него не указывает. Это труд немецкого историка, издателя журналов и литератора барона Иоганна Вильгельма фон Архенгольца (1743–1812) «История Семилетней войны» («Gechichte des siebenjahringen Krieges in Deutschland von 1756 bis 1763»), напечатанный впервые в Мангейме в 1788 г. На это указывают в комментарии и издатели. Многочисленные литературно-исторические сочинения этого автора были широко известны в Европе, переводились на французский и английский языки. Заметим, что именно «История Семилетней войны» послужила одним из источников «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, который опирался на нее в связи с рассказом о последних часах жизни «бессмертного певца весны» майора Эвальда Христиана фон Клейста, умершего от ран, полученных в сражении при Кунерсдорфе (так называемая Франкфуртская баталия 12 августа 1759 г.)[1].

Болотов – человек другого поколения. В отличие от Карамзина, для которого Семилетняя война лишь драматичное прошлое европейской цивилизации, Болотов – непосредственный участник событий[2]. В семнадцатилетнем возрасте он побывал в Егерсдорфском сражении (19 августа 1757 г.). Фон Архенгольц моложе Болотова на пять лет. Он участвовал в заключительных этапах этой кампании и вышел в отставку в чине капитана. Воспоминаниям об Егерсдорфской битве посвящены два Письма (46 и 47). Их эмоциональная непосредственность контрастирует с сухо фактографическим Письмом 76, в котором повествуется о другой виктории русского оружия – Кунерсдорфской баталии. В этом сражении Болотов сам не участвовал, поэтому столь значительному событию отведено только одно письмо, хотя и объемное, стиль которого выдает опору на некий книжный источник.

Еще одной особенностью Письма 76 является своеобразная точка зрения рассказчика. Создается впечатление, что поле разгромной для Фридриха битвы автор оценивает с прусской стороны. Сведения о движении войск, поступках и знаковых словах предводителей, о ранении или гибели военачальников касаются главным образом противника.

Особенно любопытно болотовское замечание: «Как пруссаки сами в сочинениях своих о том отзываются» [II, 1: 369]. Тут вновь, как и в характеристике Елизаветы Петровны, используется множественное число. Нельзя, конечно, исключить возможность обращения автора к нескольким источникам, но главным, хотя и не названным прямо, оказывается исторический труд Архенгольца. Целый ряд пассажей текста Письма 76 указывает на это. Подчас можно говорить о почти текстуальном сходстве ряда фрагментов. В современном комментарии отмечается постоянное внимание и неоднократное обращение Болотова к труду Архенгольца, заметное во множестве писем, посвященных Семилетней войне. Выходит, что труд немецкого историка стал основным источником при обращении к событиям войны в Европе.

---

[1] Подр. см. об этом: *Пауткин А.А.* «Письма русского путешественника» в кругу книжных источников. М.М. Карамзин и И.-В. фон Архенгольц // Stephanos. 2017. №1(21). С. 127–132.

[2] В комментарии к изданию приводятся схемы сражений, начертанные рукой Болотова.

Опора на немецкую книжную новинку в конце XVIII столетия была совершенно естественна для обоих авторов. Но если Карамзина интересует судьба героического немецкого поэта, то Болотов сосредоточен на собственно военно-исторической стороне дела. Да и цели его сочинения, не предназначенного к печати, совершенно иные. Привлекая текст Архенгольца, он рассказывает потомкам об отдельных эпизодах битвы; например, о подвиге ротмистра Притвица, спасшего Фридриха, о печальной ночевке побежденного короля в заброшенном сарае, передает отдельные высказывания прусского короля и его окружения. Отсутствие прямой отсылки к источнику, возможно, объясняется апологетическим пафосом сочинения Архенгольца по отношению к «философу на троне».

Таким образом, перед комментаторами записок Болотова, действительно, возникают серьезные препятствия, заключающиеся в самом характере использования автором доступных ему источников. Жанр данного труда позволял избегать точного цитирования, полагаться в большей степени на пересказ, а подчас прибегать к контаминации ряда источников. Тем не менее здесь кроется одно из не столь явных проявлений русско-европейских литературных и культурных связей эпохи, а раскрытие источников мемуарных записок, свидетельствующих о круге чтения их автора, оказывается непростым, но весьма существенным обстоятельством в характеристике интеллектуальной жизни образованного русского общества второй половины XVIII в.

ЛИТЕРАТУРА

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков, 1738–1793 / [Предисл.: М. Семевский]: В 4 т. СПб.: Печатня В. Головина, 1871–1873.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков / Вступ. ст. и прим. А.В. Гулыги. М.: Современник, 1986. 767 с.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. Кн. 1: Текст / [Подгот. текста А.Ю. Веселовой, А.Л. Толмачева]. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 576 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т]. 1: 1738–1757: [В 2 кн.]. Кн. 2: Вступительная статья; Приложение; Комментарии; Указатели / Вступ. ст. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина; подгот. текста приложения А.Ю. Веселовой; коммент. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина, А.А. Толмачева. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2021. 432 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. Кн. 1: Текст / Подгот. текста А.Ю. Веселовой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 728 с., ил.

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. [Т.]2: 1757–1762: В 2 кн. Кн. 2: Комментарии, указатели / Коммент. А.Ю. Веселовой, М.П. Милютина при участии В.И. Егорова. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2022. 464 с., ил.

Записки дюка Лирийского и Бервикского во время пребывания его при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. 1724–1730 годов / Пер. с франц. Д. Языкова. СПб.: Гутенберг. тип. 1845. [4], IV, 217 с.

Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М.: Наука, 1983. 416 с.

Пауткин А.А. «Письма русского путешественника» в кругу книжных источников. М.М. Карамзин и И.-В. Фон Архенгольц // Stephanos. 2017. № 1(21). С. 127–132.

Пауткин А.А. Последний «философский камень» усадьбы Саввинское (И.В. Лопухин и Квиин Кульман) // Пауткин А.А. Горизонты прочтения: историко-филологические заметки и размышления. М.; СПб., 2017. С. 194–204.

Пауткин А.А. Кенигсберг А.Т. Болотова. Оптика самопознания // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2017. № 4. С. 52–61.

REFERENCES

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants, 1738–1793 / [Preface by M. Semevsky]: In 4 vols. St. Petersburg. V. Golovin's Printing House. 1871–1873.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants / Introduction and Notes by A.V. Gulyga. Moscow. Sovremennik. 1986. 767 p.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 1: 1738–1757: [In 2 books]. Book 1: Text / [Prepared by A.Yu. Veselova, A.L. Tolmachev]. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2021. 576 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 1: 1738–1757: [In 2 books]. Books 2: Introductory Article; Appendix; Comments; Indexes / Introductory Article by A.Yu. Veselova, M.P. Milyutin; prepared by text of the Appendix by A.Yu. Veselova; Comments by A.Yu. Veselova, M.P. Milyutin, A.A. Tolmachev. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2021. 432 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 2: 1757–1762: In 2 books. Book 1: Text / Ptrpared by A.Yu. Veselova. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2022. 728 p., ill.

The Life and Adventures of Andrey Bolotov, Written by Himself for His Descendants. [Vol.] 2: 1757–1762: In 2 books. Book 2: Comments; Indexes / Comments by A.Yu. Veselova, M.P. Milityun with the participation of V.I. Egorov. St. Petersburg. Pushkin House Publishing House. 2022. 464 p., ill.

Notes by Duke of Lir and Berwick during His Stay at the Imperial Russian Court as Ambassador of the King of Spain. 1724–1730 / Translated from French by D. Yazykov. St. Petersburg. 1845. 134 p.

Klyuchevsky V.O. (1983) Unpublished Works. Moscow. Nauka Publ. 416 p.

Pautkin A.A. "Letters of a Russian Traveler" in the Circle of Book Sources. M.M. Karamzin and I.-V. Von Arkhengolts. *Stephanos*. 2017. No 1(21), pp. 127–132.

Pautkin A.A. The Last "Philosophical Stone" of the Savvinskoye Estate (I.V. Lopukhin and Kvoin Kulman). In: Pautkin A.A. Horizons of Reading: Historical and Philological Notes and Reflections. Moscow; St. Petersburg. 2017, pp. 194–204.

Pautkin A.A. A.T. Bolotov's Königsberg. The Optics of Self-Knowledge. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education.* 2017. No 4, pp. 52–61.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru